

Введение

Территориальная экспансия – неотъемлемое свойство и серьезная проблема для всех без исключения империй. Россия также не избежала этой участи. Николай II прямо заявил военному министру А.Н. Куропаткину: «Да, прав был Николай I-й, который говорил, что где станет русская нога, оттуда уходить нельзя»¹.

Интерес Петербурга к Дальнему Востоку в конце XIX – начале XX вв. отражал, помимо прочего, вектор активности внешней политики России, неуклонно сдвигавшийся на Восток на протяжении XIX столетия и достигший во второй половине века берегов Тихого океана. Причин такого движения существовало множество, как внутри-, так и внешнеполитических. В представлении многих, в частности, М.Д. Скобелева, территориальные завоевания требовались для поддержания статуса «великой державы». Например, не захватив проливы Босфор и Дарданеллы, Россия, по мнению генерала, не могла претендовать на величие «державы первенствующей»². Интересы геополитики постоянно толкали Петербург не только к приращению владений, но и к защите обретенного и поиску уязвимых мест у конкурентов, главным из которых виделась Англия. Уклониться от политики постоянной экспансии в Азии, логическим завершением которой стало её продолжение и на Дальнем Востоке, было просто невозможно.

Помимо общих тенденций, внимание Петербурга к Дальнему Востоку резко усилилось с 1840-х гг. в связи с опиумными войнами. Быстро растущее влияние западных держав в Поднебесной вызывало в России смешанные чувства, начиная с опасений за собственные рубежи и заканчивая желанием воспользоваться слабостью Китая в своих интересах. Подобным образом рассуждал, например, граф Н.Н. Муравьев-Амурский: «Соседний многолюдный Китай, бессильный ныне по своему невежеству, легко может сделаться опасным для нас под влиянием и руководством англичан, французов, и тогда Сибирь перестанет быть русской; а в Сибири, кроме золота, важны нам пространства, достаточные для всего излишества земледельческого народонаселения Европей-

¹ Дневник А.Н. Куропаткина. Запись 6 августа 1897 г. // РГВИА. Ф.165. Оп.1. Д.1769. Л.172.

² М.Д. Скобелев – М.Н. Каткову 14 августа 1881 г. // ОР ИРЛИ. Разряд I. Оп.12. №417. Л.7.

ской России на целый век; потеря этих пространств не может не вознаградиться никакими победами и завоеваниями в Европе; и, чтоб сохранить Сибирь, необходимо ныне же сохранить и утвердить за нами Камчатку, Сахалин, устье и плавание по Амуру и приобрести прочное влияние на соседний Китай»³. Моряки в это же время смотрели как на объекты для приобретения на залив Посьета в Корею и японский остров Цусима⁴.

Многим политикам и военным, как в России, так и в других великих державах, казалось, что на Дальнем Востоке имелось немало «плохо лежавших» земель, приобретение которых не составляло трудностей. Тем более, что на фоне военных неудач правителей Срединной империи, Петербург сумел заключить в 1858 и 1860 гг. два договора с Пекином, закрепивших за Россией Приморье и установивших границу соседей по Амуру. Это сразу изменило геополитические представления в глазах общества. По мнению современников, «присоединение Амура изворачивает наше понятие о Восточной Сибири; она становится, или, по крайней мере, обещает быть посредницей, а Амур – проводником нашей торговой самостоятельности и политического влияния в международных сношениях на крайнем Востоке. Два века мы стояли на гранях Великого океана, два века смотрели на этот океан, получаем соболей и бобров, собранных на его побережье, и не можем уяснить себе, какая знаменательная будущность предстоит нам на приволье. Явился амурский вопрос, и вдруг у нас оказалась сознательность, все разом заговорили о громадности русского значения на востоке Сибири; мы поняли, что такое для нас этот океан, зачем так долго и так упорно глядели на него, вдумываясь в его загадку, почему так настойчиво стремились к нему помыслы государственных деятелей»⁵. Конечно, речь об экспансии на чужих территориях ещё не шла, но мысль об огромной роли новых земель, о необходимости их освоения и какой-то неясной, но, несомненно, грандиозной будущности Крайнего Востока для судеб России уже отразилась в сознании.

Чуть позже, в 1870-е гг. проявился интерес к развитию русской торговли в Маньчжурии. Важно, что вопрос сразу ставился не просто о развитии торговых операций, а о русском влиянии в Северном Китае: «имея возможность снабжать Маньчжурию всеми товарами, в которых она нуждается, мы, при свободной торговле, можем поставить её в экономическую зависимость от себя, пользуясь всеми выгодами, отсюда проистекающими,

³ Цит. по: Ремнев А.В. Камчатка в планах Муравьева-Амурского // Исторический ежегодник. 1999. Омск, 2000. С.32.

⁴ См., например, письмо великого князя Константина Николаевича И.Ф. Лихачёву 26 июля 1860 г. (ОР РНБ. Ф.650. Оп.1. №1322. Л.4–5).

⁵ Афанасьев Д. Амурский край и его значение // Морской сборник. 1863. №11. С.8.

начиная с политического влияния»⁶. То есть, идея экономической экспансии в Маньчжурию была сформулирована задолго до появления на политическом небосклоне С.Ю. Витте. Вот только осуществить её в те годы не представлялось возможным.

Но к середине 1880-х гг. раздалась голоса, предостерегавшие от бесконечного расширения территорий на Востоке. Генерал Н.Н. Обручев посмотрел на восточные окраины России не как на счастливые приобретения, а как на слабость империи: «На беду одновременно с войнами в Европе всё расширялись и азиатские владения России, обращая политическое её тело в громадную комету с неокрепшим ещё европейски ядром и страшным азиатским хвостом, растянувшимся от Тифлиса до Владивостока»⁷. По мнению генерала, многочисленные окраины истощили России. Его вывод оказался пессимистичным: Россия стояла перед перспективой потерять статус великой державы. «Сколько славных побед, сколько завоеваний. А в результате: истощение и полная ещё необеспеченность собственной государственной целостности и безопасности. Против Германии и Австрии мы не готовы, нет ни конченных крепостей, ни конченной стратегической сети; против Англии и Турции не готовы, нет флота и десантных средств на Чёрном море; против Китая? и тот, без войск, людей и путей в Уссурийском крае становится тревожен». Что же делать? Н.Н. Обручев дал прямой и простой ответ, отрезав мечтания: главная задача – «стоять твёрдо в Европе»⁸. Несмотря на прямолинейность генеральских выводов, они наталкивали на справедливое заключение: прирост земель прямо пропорционален угрозе их утраты.

Действительно, слабость России на дальневосточных рубежах была тогда такова, что Н.М. Пржевальский в 1885 г. с большой тревогой писал об угрозе российским владениям со стороны китайских войск⁹. Местные власти серьёзно опасались войны с Поднебесной. В частности, генерал-губернатор Восточной Сибири А.Н. Корф полагал, что поводом для конфликта с Пекином может стать Корея, а также желание Англии посорить соседей. А.Н. Корфу такая схватка казалась неизбежной, он лишь надеялся, что её мож-

⁶ Стенографический отчёт заседания Комитета общества для содействия русской промышленности и торговле 20 марта 1874 г. для выслушивания сообщения Я.Ф. Барабаша о русских торговых интересах в Манджурии // Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле. Ч.7. СПб., 1874. С.132. Правда, автор полагал, что англичане уже захватили южную Маньчжурию через Нючжуан, её главные торговые ворота, поэтому России осталась только северная часть (С.144).

⁷ Обручев Н.Н. Основные исторические вопросы России и наша готовность к их решению (1885 г.) // Источник. 1994. №6. С.6.

⁸ Там же. С.6, 7.

⁹ Пржевальский Н.М. О возможной войне с Китаем // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып.1. СПб., 1883. С.293–306.

но отсрочить, подготовившись к конфликту более основательно¹⁰. Несмотря на то, что тогда война не началась, российские власти усилили внимание к состоянию войск на окраине, стремясь постоянно увеличивать их и избегать малейших поводов для вооружённой борьбы в регионе. Однако возможности для этого были весьма ограничены из-за отсутствия надёжных и быстрых путей сообщения с окраиной.

К 1890-м гг. Дальний Восток рассматривался и как уязвимое место для России, и в то же время как территория возможной экспансии, плацдарм для создания угрозы врагам, прежде всего, Англии. Решение двух задач удачно объединилось в проекте Сибирской железной дороги от Петербурга до Владивостока: это и стратегическая трасса и средство развития торговли, и орудие экономического проникновения на огромные азиатские рынки. Собственно с этого момента и начинается моё исследование.

Его цель – изучение дальневосточной политики России преимущественно за 1890-е –1904 гг.: как она выработывалась и осуществлялась, чьи интересы и понимание отражала, как преодолевались конфликты и разные точки зрения внутри российского руководства. Это не работа о международных отношениях в регионе – таких написано уже немало, как общих, так и по отдельным аспектам и периодам. Центр тяжести в исследовании смещён в сторону внутренних проблем управления империей в эпоху её заката. Я не рассматриваю рубеж столетий исключительно с позиции ретроспективы русско-японской войны: это сужает взгляд и несколько деформирует сам процесс. Разумеется, вооружённый конфликт как результат политического курса постоянно присутствует, от этого невозможно совершенно абстрагироваться, да и не нужно. Условно действия Петербурга в регионе можно разделить на два направления. Отношения с Китаем и Кореей, как с заведомо более слабыми соседями, строились, имея в виду их значение – как объектов экспансии. Содержанием же отношений с великими державами и с Японией была борьба за влияние в регионе. Конечно, эти направления заметно отличались друг от друга. Например, по методам: давление, оказываемое российскими представителями в Пекине или Сеуле, было невозможно в Токио.

Российская дальневосточная политика отражена в книге как сложный и весьма противоречивый процесс выработки и осуществления решений. По жанру это можно определить как исследование «технологии власти» (термин, впервые подмеченный мной у А.Г. Авторханова). Другими словами, международные отношения служат по большей части индикатором, а иногда – и катализатором внутренних проблем. Текст базируется на представлении, что политика отражает интересы конкретных людей и их понимание ситуации,

¹⁰ Рапорт А.Н. Корфа П.С. Ванновскому 9 сентября 1885 г. и письмо 25 ноября 1885 г. (копии) // ОПИ ГИМ. Ф.444. Оп.1. №117. Л.1–6.

поэтому в ней действуют личности, а не классы или сословия. Главный метод исследования – детерминизм, то есть поиск причинно-следственных связей между различными фактами. Разумеется, внешняя политика, сколько бы не увязывать её с внутренними проблемами, требует международного фона. Он есть, но представлен в минимальном объёме. Кроме того, специфика дальневосточной политики Петербурга заключалась в том, что она была в большей степени «замкнута» на регионе и в меньшей исходила из общих соображений, чем, к примеру, балканская либо ближневосточная сферы деятельности. Влияние на неё общих отношений России с другими странами проявлялось слабее, чем это происходило во многих других местах – Европе, Передней Азии, на Балканах и т.д.

Самостоятельное значение в книге уделено деятельности и взглядам российских представителей на Дальнем Востоке. Ещё одна особенность региона состояла в том, что они действовали там часто автономно, даже вопреки инструкциям из Петербурга. Причин тут несколько, в том числе – сложность оперативной связи с ними. Обычная почта в Китай шла, к примеру, не менее месяца. Существовал телеграф, но ему не доверяли по-настоящему секретную корреспонденцию. Но расстояния – не главная причина их самостоятельности. Другой аспект – скептическое отношение дипломатов к своему начальству, которое надо признать, по большей части, справедливым. В центральном аппарате министерства дальневосточной проблематикой владели слабо, восточных языков не знали, долгое время этому направлению придавали минимальное значение. Также к мнению своих представителей в регионе в столице прислушивались далеко не всегда. Эти обстоятельства и установили значительную дистанцию между руководством и исполнителями, что оказывало заметное негативное влияние на политику России в регионе.

Исследование базируется на источниках, извлечённых преимущественно из российских ведомственных архивов (то есть, на документах делопроизводственного характера). Использованы также материалы британского и японского внешнеполитических ведомств. Конечно, далеко не все интересные меня фонды удалось обследовать в должной мере, особенно это касается бумаг российского Министерства иностранных дел. Дело тут как в колоссальном объёме информации, так и в позиции руководства архива, которое в последние годы резко ограничило возможности изучать документы, связанные с дальневосточной политикой России. Важную роль для понимания проблемы играют материалы частного происхождения, но, к сожалению, их сохранилось немного. Ограниченное значение дневников и мемуаров связано, прежде всего, с их малым количеством. Наконец, фрагментарное внимание уделено российской периодической печати. Вопреки имеющимся исследованиям о внешнеполитических взглядах того или иного сословия или класса в

России, я полагаю, что эти представления серьёзно не принимались в расчёт властью и никакого заметного влияния на её решения не оказывали. Не играли доминирующей роли в политике и идеологические соображения. Они, скорее, привлекали внимание к той или иной проблеме, но не диктовали ход и способ её решения. Поэтому идеология «восточничества» в книге не рассматривается специально. К тому же на эту тему уже есть интересные монографии¹¹. Ещё раз подчеркну – в центре внимания находится именно политическая история, популярные ныне области изучения вроде пограничных территорий (фронт-тир), идейных исканий, этнической истории и т.п. – за пределами этой книги.

Географически область изучения ограничена политикой России в отношении Кореи, Японии и северной части Китая. Монголия не включена в книгу, так как интерес к ней основывался на других причинах, чем к перечисленным выше территориям. По той же причине в исследовании не затрагивается позиция Петербурга по Тибету и контакты с далай-ламой – это принципиально иная политика, в большей степени связанная с англо-русскими отношениями. К тому же она неплохо изучена¹².

Интересом к восточной политике России я во многом обязан Т.А. Воробьёвой, чьи лекции по истории Востока, а затем и руководство дипломной работой стали для меня первым знакомством с настоящей наукой. Несмотря на то, что кандидатскую диссертацию я подготовил на совсем иную тему (о проектах реформ перед революцией 1905 г.), мой научный руководитель уже в аспирантуре, известный специалист по истории России В.С. Дякин, с интересом выслушивал мои соображения о дальневосточной политике Петербурга, поддерживая интерес к этой, совершенно далёкой от его интересов тематике.

Я писал книгу, являясь сотрудником института, где работал один из самых известных и авторитетных исследователей темы Б.А. Романов и ныне трудятся его ученики. Думаю, что это обстоятельство накладывает на автора известные обязательства и задаёт соответствующую планку. Огромное значение для монографии имело постоянное общение с коллегами по Санкт-Петербургскому институту истории РАН и Отделу Новой истории России (Б.В. Ананьич, Т.В. Андреева, Л.А. Булгакова, Р.Ш. Ганелин, Б.Ф. Егоров, С.В. Куликов, В.В. Лапин, С.К. Лебедев, Б.Н. Миронов, В.А. Нардова, М.М. Сафонов, А.Н. Цамутали, В.Г. Чернуха). Роль такой благожелательной и в то же время

¹¹ Schimmelpenninck van der Oye D. *Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan*. DeKalb, 2001; Лукин А.В. *Медведь наблюдает за драконом: образ Китая в России в XVII–XXI веках*. М., 2007 и др.

¹² Андреев А.И. *Тибет в политике царской, советской и постсоветской России*. СПб., 2006; Snelling J. *Buddhism in Russia: the Story of Agvan Dorzhiev, Lhasa's Emissary to the Tsar*. Rockport, Mass. 1993 и др.

высокопрофессиональной среды, её влияние, наверное, сложно переоценить. Особая благодарность – рецензентам члену-корреспонденту РАН Р.Ш. Ганелину и доктору исторических наук В.В. Носкову, взявшим на себя труд прочитать немалую по объёму книгу в рукописи, чьи важные замечания помогли доработать её текст.

Появление этой книги было бы невозможным без помощи и поддержки многих людей. Я глубоко благодарен сотрудникам архивов и библиотек, в которых я имел счастье побывать и пользоваться неизменной поддержкой и помощью их сотрудников. Особо отмечу Российский государственный исторический архив и С.И. Варехову, которая много лет заведовала читальным залом в прежнем здании на Английской набережной, удивляя всех обращавшихся к ней эрудицией и постоянной готовностью содействовать в поиске нужных документов. Большую роль сыграла также возможность работать почти год, в 2004–2005 гг. в Славянском исследовательском центре университета Хоккайдо, пользоваться его информационными ресурсами и неизменно доброжелательным отношением со стороны коллег. Не могу не упомянуть особо профессора К. Мацузато, ныне – директора Славянского исследовательского центра университета Хоккайдо, главного библиотекаря центра Ю. Танаю, моего куратора, профессора Т. Хару. Я признателен также American Council of Learned Societies за грант, предоставленный для проведения этого исследования.

Сложно перечислить всех коллег, как в России, так и за её пределами, кто поддержал мой исследовательский интерес, что-то подсказывал, советовал. Всем им – огромная благодарность. Что получилось – пусть судит читатель.